

Улугбек ХАМДАМ

РАССКАЗЫ

ПИАЛА ВОДЫ

Передо мной была поставлена задача. Но почему именно передо мной? – Не знаю. Кто и при каких обстоятельствах дал мне поручение? – этого я тоже почему-то не могу вспомнить. Всё, что осталось в памяти – так это то, что я должен доставить до наступления сумерек до места назначения навьюченную чем-то тележку, запряженную двумя лошадьми. А почему до наступления темноты? Ответ для меня тоже неизвестен. И еще, мне сказали: «Самое главное не сбиться с пути и во время доставить груз». Все это превратило мою миссию в загадочную головоломку.

Да, странное это дело. Зачем нужна старая допотопная арба, когда столько современных средств передвижения? А нагруженный на неё багаж? Что это? Сверху на груз было набросано тряпье и туго обтянуто какой-то ветошью. Больше, даже захочу, не смогу рассказать вам...

А сейчас высокое полуденное солнце ласково греет моё молодое тело. Лошади мерной рысью мчатся вперед. Изредка подергиваю поводья, этого достаточно для смысленных животных – они не медлят. «Боже мой! Какие же они все-таки сообразительные? - говорю сам себе.- Словно осведомлены о важной задаче!»

Поначалу пою во весь голос. Понимая, что нужно беречь силы, невольно перехожу на мурлыканье, напевая все, что приходит на ум. Продолжая пение, озираюсь по сторонам, и моя молодая душа наполняется радостью. Широта и необъятность горизонта приводит меня в волнение и восторг. Я полон жизни, сил, чувства переполняют меня, и я кричу, сотрясая окрестности: «Ууу-лууу-

ууг!». Через мгновение эхо возвращается: «Гууу-лууу-ууу-ууу!» Внезапно, внутри меня все холодеет, в летнюю жару лоб покрывается ледяным потом. Окидываю взором окрестности, словно ища защиты. Больше кричать не хочется... Какое-то время еду молча и начинаю скучать от однообразного и безмятежного окрестного пейзажа...

А тем временем день расстилается, захватывая весь мир в свои объятия. Вдруг, начинаю чувствовать, как внутри меня медленно рождается желание попить воды. Оглядываюсь вокруг в поисках родника. Но, черт его дери, нигде источника не видно. Мне уже казалось, что я проехал целую вечность. На самом же деле совсем немного. Вероятно вся причина в жажде. Э-э, да ладно, что бы ни было. Сейчас не это обсуждать надо, сейчас главное вода! Где же найти её? Надо подумать... Вот если бы найти в этой иссохшей степи колодец с кристально чистой водой и вдоволь напиться! По крайней мере, я согласен и на одну пиалу воды. Одна пиала воды...

Беспокойно всматриваюсь в синеву – ещё достаточно времени до полудня. В чистом небе лишь изредка плывут облака. Лошади шагают невозмутимо и размеренно, словно не чувствуя жары. Над головой оживленно щебеча летают несколько птиц,. Вспоминаю: они же с самого начала были моими попутчиками. Удивительно! Я тут же успокоился, постепенно приходя в почти восторженное состояние. В конечном счете, всё: дорога, высокие барханы, облака, птицы в небе... все-все помогают мне достойно выполнить моё задание! Эти мысли и чувства переполнили меня. Мне снова захотелось весело закричать, но я побоялся: как бы моё желание не закончилось так же как в прошлый раз...

Да, летом уже с утра так печет, так печет. Жажда переполняет меня, в моем сознании возникают огромные водяные лужи, от которых рябит в глазах. «Мира-а-а-аж»,- шепчу себе, волнуясь и тревожно причмокивая. «Какой же бестолковый невежда»,- ругаю себя. – Почему я не захватил с собой хотя бы один кувшин с водой! Знал же, что пускаюсь в путь в такой зной и солнцепек!»...

Почувствовав дурноту, стал оглядываться по сторонам, словно ища спасения. Лошади, учуяв неладное, замедлили ход. Я не дергаю поводья, бедные животные тоже страдают от жары, пусть шагают, как хотят. Эх, будь, что будет! Медленно идет время, нагруженная арба еле движется, колеса ужасно скрипят и крутятся все медленнее. Чертыхаюсь: «И во сколько же обошлось смазочное масло?! Насухо вытираю белым платком мелкие капельки пота, выступившие на лбу.

Место назначения!.. Э-ге-ге, оно еще так далеко, как недосыгаемый горизонт. Так, успокойся! Мне пояснили, что если я буду ехать прямо, не сворачивая, то доберусь до наступления сумерек, что эта дорога сама приведет меня до места. Я верил в это. Моя вера была бы незыблема, если бы не жажда. Однако желание напиться постепенно, но неумолимо и безжалостно полностью захватывало все моё существо. Казалось, что внутри меня перемещаются горячие барханы, подобные верблюжьему горбу.

Вдруг вдалеке показалось что-то, похожее на водоём. Я не поверил своим глазам, боясь, что это мираж. Действительно, водоёма так и не оказалось. Но вдруг постепенно стало вырисовываться что-то весьма внушительное. Это оказался огромный караван-сарай у самого края дороги. От радости я не заметил, как остановил лошадей, как соскочил с арбы и мгновенно оказался напротив настезь отворенных ворот! Ах! В тот момент мне словно заново вернули жизнь!..

У порога меня встретила стройная красавица с большими чёрными глазами и улыбающимися полуоткрытыми алыми губами. Я не успел открыть рот, а она уже указывала мне на журчащий источник, находящийся неподалеку. Я бросился в ту сторону. Сбоку от родника на тоненькой цепочке, вероятно, чтобы никто не унес, висела расписная медная пиала. Наполнив её водой, жадно выпил. Я думал, что смогу осушить как минимум 4-5 пиал, но ошибался, мне оказалось достаточно одной. Это поразило меня. Я крепкий, сильный юноша, с утра страдавший от

непомерной жажды, смог утолить ее какой-то одной крошечной пиалой?! Да, ну ладно, оставим эти разговоры. Главное я избавился от муки! Глаза мои засияли от полученного удовольствия, и я готов был к продолжению путешествия. Затем я умылся. И всё!..

Теперь только вперед! Я не должен задерживаться здесь и вообще нигде, должен сейчас же, не мешкая, идти, не отклоняясь от маршрута! Мне поручили очень важное задание, и я принял его всем сердцем и душой. Если бы не принял, то не отправился бы в путь. Это я знал. Не теряя времени, порывшись в карманах, я вытащил деньги. Однако, скромная девушка не взяла их, а направилась в дом, жестами приглашая меня: мол идите туда, там заплатите. Я невольно шагнул внутрь. Эге - ге! Куда я попал?! Какой же пышный, роскошный и богатый уголок в голой пустыне! А людей... видимо-невидимо! Великолепное двухэтажное здание, двор, словно ласточками, сидящими в ряд, заполнен праздными людьми. Гляжу я на их довольные лица и завидую. Эх, если бы... если бы не ответственное задание, тоже остался бы здесь, присоединившись к их утехам и наслаждениям. Если бы не задание...

Я на минуту растерялся: куда мне идти, кому платить за воду? Смотрю и вижу людей, там, в уголке: они стоят, чинно выстроившись в ряд. На их лицах почему-то нет ни радости, ни удовлетворения. «О, боже,- удивленно шепчу себе.- Как странно! Их мрачные лица совсем не соответствуют величию, роскоши, общему приподнятому настроению людей, которые вкушали наслаждения, и, казалось, были счастливы!» Я невольно направился туда, предположив, что именно там можно заплатить деньги. Когда я обходил хмельных и довольных посетителей, сидевших в кругу, у меня пересохло в горле...

В самом деле, место, которое я искал, оказалось там. Встав в очередь, я с беспокойством подумал: неужели, для того, чтобы заплатить всего лишь за пиалу воды, я потрачу столько драгоценного времени? Ведь у меня была задача, задача!...

Озираясь, я с надеждой посмотрел на прислуживающих лакеев, с виду похожих на щеголеватых административных работников, даже подошел к некоторым, но что греха таить, они даже слушать меня не стали, хладнокровно и бесстрастно указывая в сторону огромной людской очереди. И тогда я понял состояние и подавленное настроение людей, стоявших в очереди. Молча, я встал в хвост очереди...

...если бы я знал, что за одну пиалу воды мне придется потерять столько времени и сил в мучительном ожидании, что придется, испытывая угрызения совести, думать о невыполненной задаче, разве я зашел бы сюда?! Легко сказать... Мне не терпелось излить душу товарищам по несчастью, но в ответ - тишина. «Все они немые что ли, словно в рот воды набрали?» - с отчаянием думаю я.

Ох, как надоедает стоять неподвижно, как вкопанному. Сажусь на корточки, чтобы немного передохнуть, через какое-то время ноги мои немеют, и я волей-неволей встаю. Теперь у меня нет ни желания, ни сил разговаривать... Я начинаю наблюдать со смешанным чувством злорадства и удовлетворения за одним из стоящих в очереди, который, как и я когда-то, кружит с вопросами. Я становлюсь таким же глухим и немым. Одновременно с интересом наблюдаю за сидящими на площади и за теми, кто в очереди - у всех входящих, глаза светятся радостью и надеждой, а при выходе полны досады и сожаления. Теперь я уже с жалостью гляжу на праздных людей, заполнивших площадь и дом. «Каково же им было бы, если бы они ведали обо всем?!» - думаю я про себя.

Прошло время, происходящее вокруг, утомило меня. Опустившись на корточки, я закрыл глаза. Через некоторое время, я опять всем своим существом ощутил уже знакомое мучительное чувство жажды. Быстро открыл глаза! О горе, что это? Я стою в очереди, чтобы заплатить за пиалу воды, которую осушил совсем недавно, и теперь мне снова захотелось пить? Но выйти из очереди и опять отправиться к источнику не решился:

ведь я мог потерять свой черёд. Людская очередь была бесконечна! Я буквально сходил с ума, от того, что должен стоять здесь. И кто же осмелится выйти из такой очереди. Стиснув зубы, продолжаю ждать...

Время тянулось невообразимо долго, люди двигались иногда медленно, иногда чуть быстрее. Временами, приходя в себя я толкаю впередистоящих, заставляя их двигаться, а порою то ли от жары и жажды, то ли от перенапряжения и гнетущей тоски, впадаю в бредовое состояние и не понимаю, что со мной происходит. Меня тоже толкают бедняги, идущие вслед за мной, заставляя двигаться... Сколько прошло времени? - Не знаю. Вдруг кто-то сильно толкнул меня в плечо, очнувшись, открываю глаза, вижу – окошко передо мной! Ах! Вытаскиваю из кошелька специально приготовленные деньги, протягиваю кассиру и поспешно удаляюсь...

Прибавляю шаг, но внезапно чувствую всем своим существом, откуда-то появившуюся слабость, вялость и усталость. Поступь моя становится тяжелой, неровной, бессильной и неуверенной... Но почему? Или оттого, что столько времени я здесь провел: устал ли, ослаб ли?

Но что это за разговоры? Я же простоял очередь?! Мысль о том, что все позади, обрадовала меня, хотелось так и прыгнуть ввысь. Но я подсознательно чувствовал, что это мне не под силу! Я с удивлением посмотрел на себя: о, господи! Что это?! Что за колдовство? Когда я входил в караван-сарай, мое тело было полно сил и энергии, а теперь оно сморщилось, кожа стала дряблой, кости торчали и казались очень-очень хрупкими и истонченными. Раскрыв рот от изумления, я с надеждой и мольбой глянул вокруг и ... и мой взгляд упал снова на девушку-служанку! Я онемел от удивления: девушка не изменилась, оставаясь молодой и симпатичной с полуулыбкой на алых губах, без усталости встречая нескончаемый поток посетителей. Действительно, ни одна телега не проезжала мимо караван-сарая. Каждая останавливалась, и с них спрыгивали жаждущие

арбакеши и бросались в сторону источника, на который указывала девушка, осушая лишь одну пиалушечку воды...

У меня закружилась голова, пошатнувшись, я упал ничком. Глаза и рот забились теплым песком. Потрескавшиеся губы горели. Распластавшись, я пополз, ощупывая все вокруг. Неожиданно, мои пальцы нащупали палку. Крепко ухватившись за неё, я облокотился и постарался выпрямиться. Вытерев лицо, с трудом приподнял веки: передо мной стояла моя арба. И в то же мгновение я вспомнил все. Ведь... ведь у меня же было задание, я же пустился в путь с очень важным поручением! Потом... потом я заметил, что внезапно наступили сумерки, от ужаса оцепенел: все было напрасно?! Я не справился с возложенной на меня священной миссией?! Досадуя, я хотел крикнуть... но не смог, вопль будто взорвался в мозгу...

С трудом опираясь на палку, я с усилием сделал несколько шагов и приблизившись к арбе скорбно прислонился к ней. В тот же момент почувствовал, как моя грудь и бок насквозь промокли, отодвинулся, открыл глаза, осмотрел телегу: под ней на сухом песке образовалась лужица воды. Удивившись, собрал последние силы и дрожащими, изможденными руками сбросил тряпье, покрывающее арбу... О, господи, в этот момент в голове моей промелькнуло все пережитое. И как же горько было видеть...

В тележке рядами стояли кувшины, полные воды, один из них разбился, и из него капала вода на вековые, жаждущие влаги пески...

Перевод с узбекского Саодат Камиловой

КАМЕНЬ

Отчего-то сжималось сердце.

Да нет же, кажется, я знаю, откуда такое состояние души у меня! Хотя, дело не в этом, а в его последствиях: ведь мы знаем, что человеческая душа – меняющийся лист дерева, кружащийся от дуновения ветра. Однако если так, почему тяжелое настроение так прочно засело в моей груди? Почему оно не уходит, не оставит меня в покое?..

Не знаю, возможно, даже со временем это настроение укрепилось в глубине души до такой степени, что превратилось в какой-то предмет, например, в камень. Естественно, я тоже, как все остальные смертные, находясь под влиянием некоторых слабостей, поддаюсь минутным радостям, но потом все равно возвращаюсь и возвращаюсь к этому состоянию духа, которое гнездится в глубине души... Тогда я (и это бывает часто), воспринимаю себя с одной, а других – с другой стороны: будто они находятся на том берегу бушующей реки, а я – на противоположном. К тому же, кажется, будто наступают сумерки. И что самое удивительное – хотя смертельно страшусь одиночества – не хочу переплыть на другой берег, наполненный толпой людей. Кажется, будто я страдаю неизлечимой болезнью, а они все здоровы. И будто вот эта болезнь, оторвав меня от людей, крепко-накрепко прикрепила к одиночеству и на всю жизнь запретила подходить к ним, смеяться и плакать вместе с ними...

Не знаю, сколько времени я бьюсь в петле такого состояния духа. Боже, боже, хоть бы оборвалась или нить жизни, или та проклятая петля!..

Ощущая нестерпимый страх в ее цепких объятиях, я быстро оделся и вышел. Чувствуя, что камень на сердце продолжает

набирать вес, меня охватила тревога. А что? Вдруг на улице встречу доброту и снисхождение людей, и камень размягчится? Например, как соль в почке... Ведь, и она тоже, как камень, накапливается в организме человека годами в результате неправильного приема пищи, воды и других вещей. Или соль как камень...

Что бы то ни было, если не остановить процесс вовремя, он может привезти человека, в конце концов, к печальным последствиям. Так, я стал думать, что мое долгое хождение с камнем внутри, опасно и для меня, и для других. Может, он и не растворится, как я того желаю, не удалится как камень в почке, тогда пусть хотя бы остается на своем месте. Подумав обо всем этом, я бросился на улицу...

По привычке я шел по тротуару, что проходил параллельно трассе, с целью зайти в ближайший парк, еще раз послушать пение птиц и вернуться назад. Я шел очень медленно. Вдруг сзади послышались шаги. Через мгновение, мимо меня прошла незнакомая женщина, в каком-то блестящем платье, вея ароматом нежных духов. Может, под влиянием настроения – не знаю! – я обратил на нее особое внимание. Прежде всего, ее нежный аромат щекотал мое обоняние. В то же время я бросил взгляд на стан женщины: от такой красоты можно было задохнуться! Невольно мои шаги ускорились в такт самой женщины. Шли так долгое время. Постепенно моим телом стала овладевать приятная дрожь. А сердце... в течение этого времени проклятое сердце стало так биться, что я уже решил чуть замедлить шаг, чтоб мое волнение не дошло до слуха женщины.

Светло-розовое платье женщины с пурпурными крапинками на нем так шло к алому закату солнца – что оставалось только любоваться всем. Подумалось вот о чем – возможно именно это и есть та пресловутая «всеобщая гармония веселенной». Кудрявые, развевающиеся направо и налево волосы каштанового цвета, ниспадающие на голые плечи, возбуждали смутные чувства у глядящего на них человека, и придавали всему существу

женщины мистическую окраску. В лучах заката, раскинувших повсюду свои отблески, женщина плыла как лодка пурпурного цвета, а я, не отрывая от нее взгляда, шел и шел за ней.

Ноги!.. Когда мой взор остановился на них, я стал буквально захлебываться, и чтобы чуть-чуть прийти в себя, оторвал от них взгляд и стал озираться по сторонам. Они были так прекрасны, что невозможно описать. О боже! Я был весь в ее власти. Горел желанием сразу слиться с этим красивым существом. Ощутил потребность отдать свою душу этой красавице, образ которой годами витал в моем воображении; если быть точным, ради нее я был готов отдать свою жизнь Джебраилу – Ангелу смерти. Казалось, что наконец-то я нашел тот высший смысл, то существо, за которое и жизнь отдать не жалко! Теперь осталось только не потерять ее, а использовать отличный шанс, подаренный мне судьбой. Я всегда презирал тихую смерть в глубокой старости в постели, в окружение близких себе людей...

Словом, идя за ней как тень, я призывал на помощь Бога, умолял: «Помоги мне!»... Казалось, что ноги женщины были привязаны к моему сердцу невидимыми нитями, при каждом ее шаге моя грудная клетка вздымалась в волнении. Пришло на ум выражение «не шла – плыла». Да ведь я где-то читал: так изображались шаги красивых женщин. Да-да, она не ходила, а именно плыла: с какой-то грацией, в волшебстве и колдовстве очарования.... В следующее мгновение потемнело в глазах, голова закружилась. Решил замедлить шаг, чуть отойти от света, излучающего красоту, и таким образом восстановить внутреннее спокойствие. Однако ноги не подчинялись. Что ноги, теперь все мое существо, будущее были во власти этой женщины. Я был пленником, привязанным к исходящей от нее какой-то непонятной, безгранично приятной мелодии. Да-да, именно, пленником!..

Я, казалось, нашел ключ к шкатулке, в которой можно было найти нужное слово, выражающее ее суть, потому что весь вид женщины, походка ее были такой песней, что я всем телом ее

слышал. Все мое существо, кровь и плоть находились под властью этой песни, соразмерно колебались в такт с ней. Я забыл окружающий мир – что мир?! – и свое собственное болезненное внутреннее состояние, и тягостное настроение! И камень, застрявший в груди, его тяжелую муку. О боже, оказывается, есть на свете такая благодать, о которой мы не знали, и ходили неизвестно где!..

Кончилась роща, и мы вновь оказались на обочине трассы. Женщина шла на рынок, который уже был виден слева. А я – за ней. Потом она остановилась там, где скопились люди. Я тоже приблизился и остановился. Недалеко от нее, рядом. На расстоянии, которое давало возможность без конца ощущать ее нежный аромат. Как отважился на это – сам не знаю. Чувствовал: женщина совсем добивает меня, и я таю как свеча...

В это время она, сделав два-три шага в сторону, с интересом стала посматривать на что-то. Тогда я увидел ее лицо, подобное луне, длинные ресницы, классические брови, губы, как бутоны. Моему волнению не было конца. Невольно, двумя руками схватился за грудь: казалось, что сердце судорожно бьется, готовое выпрыгнуть из грудной клетки...

– Долго будете стоять?! – кто-то слегка задел меня по плечу. Я нечаянно подался вперед и оказался у большой тары, где была разложена рыба. Они были живые! Измучившись от жажды, то одна, то другая с шумом бросались вверх! Оторопев, я почему-то посмотрел на женщину: господи, в ее взоре играла... дикая страсть! Особенно тогда, когда каждый раз рыба всплескивала, она, как кошка перед прыжком на мышь, к чему-то готовилась, причмокивала ртом, облизывая свои полные губы. Тогда мне показалось, будто ее рот запачкан кровью. Может, в глаза мне бросилась помада на губах или мне так представилось на фоне алого заката. Возможно, что это была тень пурпурного платья, отраженная в зрачках моих глаз.... Но все равно, в то время ее губы показались мне кровавыми. Да-да, ее рот был кровавый, как у зверя, только что совершившего убийство...

Женщина что-то сказала продавцу. Тот в ответ взял две рыбы, положил на весы и посмотрел на шкалу. В это время одна из рыб ударила хвостом о чашку весов: «шлеп-шлеп». У женщины заблестели глаза, она стала чаще облизываться. А продавец пальцами попытался придавить рыбу, а когда она успокоилась, опять посмотрел на весы. Рыба еще раз взметнулась. Шкала опять задергалась. У продавца иссякло терпение, взяв рыбу с чашки и положив ее на стол, он ударил ее черной гирей – размером с маленькую человеческую голову – и размозжил ее...

Меня сразу затошнило, что-то вырвалось наружу. Я не успел отстраниться, прямо у ног у женщины меня вырвало. Люди, стоявшие в очереди за рыбой, разбежались по сторонам, как от чумы, в том числе, и женщина. (Но уверен, что, ни один из них потом не ушел без рыбы, в том числе, и она...). Кажется, рвота забрызгала ее ноги и туфли, она, бормоча, ругала меня (во всяком случае, мне так показалось), вытирая их салфеткой, которую достала из маленькой сумочки, и довольная протянула руку продавцу, подавшему ей пакет с рыбой.

Кто-то посочувствовал мне, обращаясь с вопросом: «Что с вами?», – а многие ругали. Продавец попытался прогнать меня: «Уходите, идите отсюда, весь торг испортили!». Потом уже тыкал: «Убирай свою помойку!..»

Тем не менее, в это время какой-то старик засыпал рвоту землей. Внимательно взглянув на него, удивился: он оказался очень похожим на меня. Только в возрасте нашем была большая разница. Больше ничего не помню: сколько времени я еще оставался там, куда ушла та женщина, как ушла – не знаю, так как я опять ударился головой о большой камень, лежавший в самой глубине души. Мир кружился вместе с моей головой. Мгновенно исчезла песня, звучащая во мне, а на ее месте опять властвовало настроение сжимающей петли, и я в объятии ее прочной сети почувствовал себя жалким и слабым...

В ту ночь я не сомкнул глаз, крутился в постели и заснул лишь к утру. Потом я увидел сон....

Во сне я будто бы бродил по улицам с камнем в руке, и каждого встречного бил им по голове до крови. «Камень находился у меня внутри. Когда и как попал он в мои руки? Почему вышел наружу? Для чего?..», – думал я, сокрушаясь, однако, не оставил своего ужасного занятия, вернее не смог остановить самого себя. После того, как обагрил алой кровью лица всех тех, кто попадались мне на пути – мужчин и женщин, взрослых и детей – стремительно направился к горам, видневшимся вдалеке. Прислушавшись к своему сердцу, понял, что, горел страстным желанием забросать камнями Солнце, начало самой жизни, взобравшись на самую верхушку их. А в голове все кружилось и кружилось, и еще раз кружилось только одно видение – продавец, размозживший голову рыбе, и алые губы женщины...

1997 год

на русский язык перевёл Ибрагим Чариев

МУСУЛЬМАНИН

С приходом весны во дворе поселилась птичка. Хусан раньше не замечал ее, но сегодня днем обратил внимание на птаху, порхающую с ветки на ветку. Странно, она почти не разлучалась с урючиной, накинувшей на себя белоснежный платок из цветов.

В свободное время Хасан не упускал возможности поддеть своего брата-близнеца Хусана, который как обычно сидел у окна, словно пригвожденный, витая в облаках. Вот и сейчас: «Гм, опять тоскуешь? Лучше бы подумал о предстоящей беседе. Встреча со светлейшим шейхом Ахмадом Жунайдом может перевернуть твою жизнь, Хусан! Эй, кому говорю?! Ты что, окаменел?!», - напал он. Полное равнодушие собеседника все более раздражало его – «Что ты, ведешь себя, будто получил путевку в рай?!»

Хусан не обращал внимания на его слова. Хотя раньше, как помнится, вступал в спор. Однажды они даже сильно повздорили. Это случилось перед тем, как братья собирались совершить омовение перед молитвой «нафл» . Соседский мальчишка попросил помощи в каком-то пустяковом деле. Хусан тогда ушел и припозднился. А по возвращению Хасан нравоучительно заметил ему: «Сначала молитва, потом помощь». Хусан в ответ что-то сказал, слово за слово, между ними возник спор, они раззадорились как молодые петушки.

- Не будь консервативным фанатиком, ислам – религия великодушных. Даже если ты во время преклонения увидишь скорпиона, сначала отрази нападение, а затем обращайся к молитве, – горячился Хусан.

- Ну, да, - отвечал Хасан – такие разговоры лишь отговорка для тех, кто не в состоянии как следует исполнять свои обязанности.- Затем взяв книгу «Куръони карим», стал слово в

слово переводить и толковать выдержки из текста, хотя прекрасно знал, что Хусан лучше него знает арабский. Мало того, он стал комментировать истории из жизни сподвижников четырех праведных халифов. Хусан тоже не молчал, доказывая свою правоту, приводил афоризмы святых: «Священные речи каждый понимает по-своему, на всем белом свете не встретишь мусульман, одинаково толкующих веру. У кого-то она сильнее, у кого-то слабее, почему ты всех меряешь по себе, Хасан? – бесился он.

Временами, когда такие дискуссии затягивались, сердце Хусана обливалось кровью, он выходил из дому и часами стоял под деревьями, изливая им свою душу. Потом ... потом внезапно появилась та птичка! С её появлением ему расхотелось спорить с Хасаном. Однажды он даже сказал Хасану со слезами: «Прости меня глупца, не ведая, спорю, ты прав, как ни крути! - Хусан расчувствовавшись, обнял брата: «Будь тверд в своей вере!». Жаркие споры, как взрывы вулкана, мгновенно стихли, Хусан согласился с доводами Хасана в отношении религии. Согласиться то, согласился, но не изменился Хусан: каким был, таким и остался. Хоть и следовал он предначертаниям Хасана, но жил и мыслил как прежний Хусан. Интересно, да?

* * *

Порой птичка безмолвно сидела на ветке в объятиях урючины, сплошь усыпанной цветами. Птичка не засиживалась подолгу на одном месте, и поэтому Хусан торопился налюбоваться ею. Вот сейчас она показалась лишь на мгновение, порхая с ветки на ветку. Хусан поймал ее взглядом, всем своим существом, превратившись в зрение. Птичка запела сладким голосом, лаская слух Хусана. Пела она увлеченно и самозабвенно. Душа Хусана наслаждаясь, таяла как воск, сам же он оставался недвижим, как камень. Закончив пение, птичка быстро стала вертеть изящной головкой, и Хусан увидел ее живые, испуганные

глаза. Ему показалось, что она тоже взглянула на него, взглянула... и тут же скрылась в ветвях дерева. Ее нигде не было видно, но через некоторое время птичка снова стала петь своим волшебным голоском.

- А ну вставай, ну что ты за человек? Так ты всю жизнь потратишь впустую, глядя в окно!- резко окликнул его Хасан, выходя из дому с книгой в руках.- Когда же ты, наконец, сосредоточишься на предстоящей беседе? Это ж не просто так, это соб-ра-ни-е, где участвует сам арабский шейх! Эй, если мы себя проявим как следует, то поездка за границу у нас, считай, в кармане.

В этот момент зазвонил мобильный Хасана и он, отвечая на звонок, отошел в сторону. Через какое-то время вернулся сумрачный и расстроенный.

-Отец болен

Хусан рассеянно переспросил:

-Что?

- Ты что, оглох, я говорю, отец слег – вышел из себя Хасан – Глухой!...

- Вай,- перепугался Хусан. - Лишь бы не серьезно! – Вскочив с места, он кинулся к брату.

- Не знаю... Что будем делать, Хусан? Здесь еще это собрание...

- Что ты говоришь Хасан? Едем!

* * *

Ранним утром близнецы с легкими рюкзаками за плечами отправились в дальний путь. Выходя из дому, Хусан вдруг услышал мелодичные и задушевные трели не одной, а сразу двух птичек. Озираясь, он на минуту остановился. Действительно, в ветвях дерева сидели две птички, неизвестно откуда появившиеся, и как две капли воды, похожие друг на друга. Кто из них старая знакомая, а кто гостя невозможно было определить.

- Смотри, Хасан, птичек стало две, так похожи друг на друга словно близнецы, - изумился Хусан.

- Хусан, давай ты мне не будешь действовать на нервы с утра. Дорога предстоит длинная, - торопливо заметил Хасан, обходя брата.

Вскоре близнецы, сев в такси, направились в родные места. Примерно через три часа их машина остановилась у маленького придорожного кафе.

- Покушаем? - водитель, не дожидаясь ответа, слез и засеменил в сторону забегаловки. За ним последовали муж с женой, знаками приглашая близнецов за собой.

- Нет аппетита,- произнес Хусан.

- Идем, помолимся, - открыв дверь машины, сказал Хасан.

Место, куда они спустились, было весьма живописным. У подножия горы раскинулось широкое поле, сбоку шумела речушка, а у перешейка росли невысокие деревья, то ли обычные ивы, то ли плакучие - сразу нельзя было понять. Под этими деревьями текла кристально-чистая вода. Хусан, опустившись на колени к арыку, ополоснул лицо и восторженно воскликнул: «Ух, ты, холодная!»

- Так горная же. - Хасан присел на корточки около брата. - Ты совершил омовение?

- Совершить то совершил, но до дома уже близко, может там спокойно, не спеша, помолимся?!

- Нужно молиться вовремя. Хусан, ты, теорию знаешь, как пять пальцев, а когда дело касается практики, становишься каким-то нерасторопным, - сказал Хасан. - Вчера на предписании о добрых делах, на котором, кстати сказать, тебя не было, рассказывали, как один пассажир, совершая намаз, опоздал на рейс. Через какое-то время пришло известие о том, что этот самолет попал в авиакатастрофу, и все на борту погибли. Видишь, намаз спас его...

- Нельзя такими примерами популяризировать молитву,- Хусан на минуту забыл, что обещал сам себе не спорить. - В

самолете может, были более добродетельные и чистосердечные люди. А что ты скажешь о несовершеннолетних и безвинных младенцах? Это судьба, жребий, написанный на лбу. Хасан, таким способом нельзя преувеличивать значение намаза. Хочешь, я тоже тебе поведаю похожую историю, - положив молитвенный коврик на землю, Хусан повернулся лицом к Хасану.- Один парень, золотые руки, решил уехать за границу подработать. Его мать, оставаясь одна дома, сетовала: «У меня, сынок, почему-то сердце не на месте, может, не поедешь?» Сын, призадумавшись над словами матери, взвесил все за и против, и все таки решил уехать. В аэропорту, выяснилось, что он опоздал, закончилась регистрация пассажиров и он, волей-неволей, возвратился домой и расстроенный прилег в своей комнате. В гостиной мать смотрела по телевизору «Новости», где сообщили о том, что самолет, в котором хотел лететь ее сын, взорвался в воздухе. Мать с рыданиями бросилась в соседнюю комнату к сыну: «Смотри, сынок, я же говорила, что неспроста у меня ноет сердце, твой самолет...», - слова застряли у нее в горле. Смотрит, ее здоровый и некогда цветущий сын лежит на полу бездыханный...

- Хасан, все дело в судьбе или в роке. Если настанет смертный час, то нет никакой разницы, где это произойдет: в самолете ли, на земле ли... Живым тот набожный человек остался не из-за молитвы, это страницы скрижали...

- Не святотатствуй, не произноси слов всуе, Хусан,- рассердился Хасан.- Кто скажет, что ты учишься в Исламском университете?! В жизни ничего просто так не происходит. Тот мусульманин остался живым только благодаря молитве, это же ясно, как день! Не будь похож на упрямых неверующих, которые требовали от пророка доказательств, хотя и так все было ясно.

- Хасан, скажи: сохрани, Господи!

Не возражая больше, Хусан встал у молитвенного коврика.

- Дай, бог, братик, дай бог,- прошептал Хасан.

* * *

Пока близнецы читали молитву под деревом, где-то наверху вдруг

послышалось щебетанье. Хусан отвлекся и сбился с аята . Хасан, стоявший позади, поправил его. Закончив намаз, Хусан оглянулся по сторонам, ища птиц.

- Так ты или разума лишишься, или навлечешь на себя какую-нибудь беду, рохля, - завелся Хасан, собирая молитвенный коврик.- Как можно забыть аяты, которые повторяешь каждый день по пять раз! Где ты витаешь? Вспомни, что говорил Ахмад Жунайд? Даже маленькая ошибка во время молитвы подрывает основы веры. А ты... - Хасан замолчал, не найдя слов от возмущения. Хусан махнул рукой, не обращая внимания на раздосадованного брата, он думал лишь о птицах, которые долго не попадались ему на глаза, хотя он внимательно искал их. Но, слава богу, они оказались здесь, только чуть-чуть дальше. Птички слегка поклевывали друг другу головы своими жемчужными клювиками и издавали какие-то томные звуки.

- Что опять такое? Иногда ты переходишь все границы,- заворчал Хасан, наблюдавший за происходящим.

- Иди сюда, Хасан!- взволнованно позвал брата Хусан. – Посмотри вон туда, не их ли мы видели сегодня утром в Ташкенте?

- Э-э! Да что ты такое говоришь?!- Хасан даже не взглянул в ту сторону и направился к машине.

А Хусан подошел поближе, стал прислушиваться к щебетанью птиц. «О чем они щебечут?... Вот, если бы я понимал их пестрый и переливчатый язык. Интересно, возможно ли это? Пророк, согласно книгам, понимал язык птиц. Наверно, хорошо знать их язык!»

Он вспомнил легенду о человеке, который мечтал обучиться языку птиц и животных. Согласно преданию, он пришел к пророку Сулейману и попросил, чтобы тот помог ему обратиться с просьбой к Богу об осуществлении его мечты. Сколько бы ни

отговаривал его пророк, он упрямо стоял на своем. Наконец, упрямец получил то, что хотел и, возвратившись домой, услышал беседу кошки с собакой. «Курица хозяйина больна и скоро умрет, а мы с тобой хоть один день наедемся вдоволь мяса», - говорит кошка собаке. Намотав на ус, хозяин быстро продал курицу на базаре. Через какое-то время опять услышал разговор: «Корова хозяйина больна, скоро умрет, и мы с тобой целый месяц будем кутить». Он срочно избавился и от коровы. Но самое неожиданное было впереди: однажды он застал за беседой своих домашних питомцев: «Потерпи, в этот раз наш хозяин сам болен, скоро умрет, и мы целый год будем пировать».

Испугавшись, бедняга поспешил в покои Сулеймана. «Ты не смог склонить голову перед малым испытанием, нужно было потерпеть, теперь же невозможно тебе помочь», - услышал он ответ посланника Бога. Бедняга растерялся, у него потемнело в глазах. Через какое-то время он умер, а собака и кошка действительно лакомились на его поминках, которые растянулись на год.

«Наверное, правильно, что человек в некоторых вещах несведущ. Не удивительно, что нам даны мизерные знания о душе, в этом есть какая-то своя мудрость», - прошептал про себя Хусан. - Почему эти птички отправились с нами в дорогу? Кто же они: на ласточек вроде не похожи, может, соловьи... нет, не соловьи. Внешне похожи на маленьких белых птичек, может жаворонки нет... на наших горлиц смахивают... но, нет, они не из них! На всех похожи, но все-таки, другие это птицы! - размышлял Хусан – Как же они прекрасны! И что же означает их щебетанье? И почему они следуют за нами?!

* * *

Наконец, близнецы добрались до дома. Их отец лежал в постели, у него поднялось давление. «Сколько уже лет, все никак не может успокоиться: то с кетменем в огороде, то в саду возится,

то ухаживает за скотиной», - журила его напуганная мать.

- Да, но что мне делать, если я не могу жить по-другому, не могу не трудиться,- оправдывался отец....

Успокоенный хорошим самочувствием отца, Хусан взял за правило гулять по саду. Не в этом ли очарование весны, что человек не в состоянии постичь всего многообразия птичьих голосов.

«Что ты там потерял», – недоумевал Хасан, наблюдавший за ним. А он, ни на что не обращая внимания, упрямо искал необыкновенную парочку. «Я их обязательно разыщу, среди множества птиц в саду, мои ни на кого не похожи», - думал он. Впрочем, волшебные птички сидели рядышком и сладко пели на слегка склоненной ветке рано зацветшего миндаля. Хусан подошел поближе к дереву, остановился на расстоянии, чтобы не спугнуть их, замер на мгновение и стал подыскивать удобное место, чтобы присесть. Расположившись на пне, Хусан погрузился в волшебное пение удивительных птиц. Через некоторое время Хусан заметил, что в саду звучала целая симфония птичьих голосов. Сначала это были лишь какие-то беспорядочные звуки, но постепенно все слилось в изумительную гармонию. «О, господи!»- прошептал Хусан и вопросительно глянул на своих птичек, словно хотел узнать, какое же место им определено в этом грандиозном хоре. Тайна раскрывалась постепенно, и чувства переполнили сердце юноши. Дело в том, что своим волшебным пением птички не только руководили этой сказочной симфонией, наполнившей сад, но и направляли ее в нужное русло. И действительно, как только они неожиданно умолкли, Хусану показалось, что гармония нарушилась, общая песня стала беспорядочной и фальшивой. Как будто чувствуя это, птички снова нежно запели, выравнивая мелодию. Душа Хусана наполнилась чудесным умиротворением и каким-то одухотворенным блаженством, все чувства смешались и слились в божественное единство.

* * *

К счастью, через несколько дней самочувствие отца улучшилось, что несказанно обрадовало близких. Он призвал к себе близнецов, и поцеловав каждого в лоб, распрощался с ними как всегда напутствуя: «Дети, в жизни много соблазнов, будьте стойкими!».

Выйдя из родительского дома, братья сели в машину и отправились в столицу. Уже к полудню они были на перевале.

- Давай купим горных лепешек, в городе многие будут рады им,- внезапно предложил Хусан.

Все вышли из машины, но Хусан однако направился не в сторону торговых рядов с лепешками, а в другую, в заросли ив.

- Эй, лепешки здесь! – крикнул Хасан.

- Я сейчас, ты выбирай пока,- он окинул глазами ветви ив.- Где они? – Птичек не было видно, и это не на шутку встревожило Хусана.- Почему они мне так нужны? Птица – это птица, а я человеческого рода, откуда же появилась связующая нас невидимая нить? Почему я без них не чувствую себя счастливым, почему без них мне не хочется жить?! – с удивлением спрашивал себя Хусан.

Хасан тем временем уже уложил лепешки, курт и сушеный урюк в багажник машины.

-Хуса-а-ан!- услышал он, и ему ничего не оставалось, как вернуться к автомобилю. Открывая дверцу, Хусан услышал над головой щебетанье птиц и воспрял духом: «Господи, милосердный!» - облегченно вздохнул он. А птицы кружились в вышине и о чем-то переговаривались на своем птичьем языке...

* * *

- Опоздаем на пятничную молитву, какой же ты непробиваемый размазня! Ты что забыл, что нам после намаза

нужно идти на собрание?- напомнил Хасан, возвращаясь со двора после омовения.

- Да, сейчас, - Хусан схватил кувшин, стоящий у двери и поспешил в уборную.

Через некоторое время близнецы шагали в сторону мечети. А с веток урючины звучало громкое пение птиц. Хасан и Хусан торопливо шли по дороге, около базарных ворот они увидели кучку молодых людей, избивавшую человека неопределенного возраста.

- Э, Хасан, смотри, - Хусан направился в ту сторону

- Хусан, ты в своем уме, их целая толпа, - недовольно пробурчал Хасан, но все таки пошел вслед за братом.

- Эй, эй, вы что творите, не стыдно вам?!- приближаясь, закричал Хусан.

Увидев двух рослых парней, торопливо направляющихся к ним, хулиганы бросились врассыпную.

- Пойдем уже, - Хасан потянул Хусана за рукав- Дело обернулось благополучно.

- Подожди немного, - Хусан потряс за плечо валявшегося в пыли беднягу.

- Отстань! - оттолкнул потерпевший своего спасителя. Затем хотел встать на ноги, но, споткнувшись, упал лицом в пыль. От него разило водкой, и еще чем - то мерзким и отвратительным.

- Тьфу! - сморщил нос Хасан - пойдем отсюда, не видишь, это же совсем опустившийся человек! - он прикрыл лицо ладонью и отошел.

- Приятель, - стал молить тот человек, - пожалуйста... одолжите несколько сумов, - он протянул сухую, грязную и трясущуюся руку.

- Не давай! Дашь - пропьет,- предупредил Хасан стоящий неподалеку.

Хусан засомневался: «дать или не дать?»

Действительно как же поступить правильнее - а? В такой ситуации нет готового ответа, если призадуматься.

Прислушавшись к внутреннему голосу, он вытащил деньги и сунул в раскрытые руки.

- Глупец! – сказал Хасан – Ты же стал соучастником его греха!

Хусан опустив голову, молча, прошел мимо брата.

В мечети тьма народу, поэтому на молитву, совершаемую в честь добрых дел нужно приходиться заблаговременно. Хасан и Хусан направились к своему постоянному месту, рядом с имамом. Народ собирался отовсюду, чтобы услышать проповедь. Было так многолюдно, что если зазеваешься, то не найдешь и пяди земли, чтобы присесть. Вот поэтому Хусан так торопил братца. Близнецы еле протиснулись в передний четвертый ряд, да и то, между ними влез мужчина средних лет с козлиной бородкой. Все молчали, превратившись в слух.

Имам сладким и степенным голосом складно говорил о намазе: «Братья, вы всегда должны помнить, что молитва первостепенна в религии. Если она перестанет быть важной, что может случиться? Здание религии обрушится! Никакая причина не должна помешать молитве. Предание гласит, что у святого Умара был роскошный сад, похожий на «Райский Эдем». Однажды, он, замороженный очарованием сада, забыл совершить третий намаз. Когда он вспомнил, то стало ясно, что на молитву с братьями он опоздал. Святой Умар был религиозным человеком и, не задумываясь, отдал в дар несчастным и нищим свой прекрасный сад. Видите, как бы ни было тяжело, он устранил препятствие, помешавшее его молитвам. Мусульмане, это только рассуждать легко, но на самом деле это очень сложно, не секрет, что, когда приходится совершать подобные поступки, мы не только не можем отказаться от великолепного сада, но и лишившись одного деревца, долго не можем успокоиться. А святой Умар? Он с корнем выкорчевал то, что тенью падало на его веру. Братья, если вы верующие, подумайте над моими словами...»

В этот момент в небольшое окошечко мечети, расположенное под потолком, с шумом залетела пара птиц и отвлекла внимание

Хусана. Птички, догоняя друг друга, летали под куполом здания и щебетали. «О, господи, что же это за птицы? В них есть какая – то тайна. Иначе бы мы знали эту разновидность птиц. Их поведение, пение, движения – все, все другое...»- размышлял Хусан. Но, кроме него, никому не было никакого дела до птичек, все внимательно слушали имама.

Хасан тоже внимал ему, словно желая навечно запомнить его слова.

«Другой сподвижник пророка, для совершения намаза «хувтон» отправился в мечеть, и, придя, увидел, что народ расходится, – продолжал имам. -«Ох, опоздал»,- воскликнул он и побежал в другую мечеть, но, увы, и там намаз уже закончился. Он обежал все мечети в округе, но нигде не успел совершить молитву вместе с прихожанами. Возвращаясь домой ни с чем, он вдруг подумал:: «Читать намаз дома в 27 раз лучше, чем вместе с молящимися, что ж, я прочитаю эту молитву в одиночестве, наверняка она зачтется!». Дома он исполнил свое намерение. А ночью ему привиделся сон. Во сне он пришпоривал коня, чтобы догнать скачущую впереди группу всадников. Желая влиться в их ряды, он торопливо понукал своего резвого, но никак не мог их догнать. Наконец, один из всадников обернулся и сказал: «Не старайся, ты ни за что не догонишь нас, потому что мы читаем намаз вместе».

Братья, вам понятен смысл сна? – воскликнул имам и сам стал разъяснять его смысл: «Те всадники – это верующие, которые молились в мечети, а тот, кто скакал сзади – человек, прочитавший молитву в одиночестве. Смотрите, люди, знайте разницу между молитвой, прочтенной в мечети вместе с другими верующими, и намазом совершенном в одиночестве!»

У старика, сидевшего между братьями, затекли ноги, и он решил поменять положение, вытянув их перед собой со словами: «Слава Богу!».

В этот момент сверху на пожилого человека что-то упало. От сильной боли старик заохал. Упавшая вещь была ганчем,

украшавшим потолок. То ли от собственной тяжести, то ли от того, что он был прикреплен наспех, ганч отвалился.

- Что случилось? – спросил имам, вытянув шею.

- Сверху отвалился ганч, - ответили близ сидящие.

- Никто не пострадал?- спросил проповедник

- Ничего особенного, Просто ушиб, продолжайте - почему-то повысил голос Хасан, опасаясь, что происшедшее нарушит беседу.

- Ты, что Хасан! У него, кажется, сломана нога, - растеряно заметил Хусан, наблюдавший за происходящим.

- Помогите мне выйти, – с трудом попросил пожилой мужчина.

- Обязательно, - Хусан, встав с места, взял подмышки старика.

- Возьми его с другой стороны, - обратился он к Хасану.

Сидящие на коленях люди посторонились, освобождая им дорогу.

- Там есть дерево,- указал рукой старик. Его положили около арыка под урючину.

- Ух, ты, как сломалась, - воскликнул Хасан, глядя на изуродованную ногу.

- Ладно, юноши, спасибо, идите в мечеть,- растянувшись под деревом, он поправил искривленную ногу, чтобы проходящие, увидев ее, не испугались.

- Что вы говорите, дядя? Разве можно вас оставить в таком состоянии ? – Хусан с беспокойством поглядывал на дорогу.

- Нет, сынок, из-за меня не опаздывайте на молитву. Что сломалось, то сломалось, уже не вернуть, – побелевшими губами прошептал старик, опираясь на правую руку, и положил голову на траву.

Прозвучал предупреждающий голос муэдзина.

- Идем, Хусан, намаз начинается. - Хасан как и в прошлый раз потянул брата в сторону мечети. – Надо идти, дядюшке кто-нибудь другой теперь поможет.

- Думаешь, что говоришь? Не видишь, в каком он состоянии, иди, ищи машину, нужно быстрее отвезти его в больницу!-

намочив в мутной воде носовой платок, Хусан приложил его к лицу пожилого человека. – Сейчас, дядюшка, потерпите чуть-чуть...

Аллоху акбар.....

- Намаз начался, Хуса-а-ан, - забеспокоился Хасан – На-ма-а-а-аз!

- Смотри, Хасан, дядюшка сознание потерял...

- Я говорю тебе намаз, Хуса-а-ан!- закричал Хасан. – Не теряй веру!

- Хасан, если я сейчас не помогу этому пострадавшему человеку, то я думаю, что точно потеряю веру! – Хусан тоже повысил голос. – Как бы ты ни старался, не останавливаясь ни перед чем, вера - от Бога! Если он даст - она есть, если нет - то нет, понял?!

- Не святотатствуй! Идем на молитву!

- Сам не будь богоотступником! Идем, поможем сохранить жизнь человеку!

- Уважаемый шейх говорил...- слова застряли в горле Хасана

- Оставь уважаемого шейха, Хасан! Сам-то ты, что скажешь? Когда ты начнешь говорить своими словами?! – задохнулся Хусан.- Разве можно жить чьей-то верой? О, господи, смотрю я, ты мусульманин лишь в мечети, а когда выходишь за дверь невозможно понять, кто ты!

- Думай, что ты говоришь, Хусан, - завопил Хасан.

В это время над цветущей урючиной, облаченной в белые одежды, как паломник, возвращающийся с хаджа, появились две птички и начали беспокойно щебетать. Они кружили то над мечетью, то над улицей, постоянно возвращаясь к бедному пожилому человеку. И только слышался шум крыльев и непрерывный щебет: «пир-пир, чирик – чирик».

Братья удивленно взглянули на птиц в синем небе и перевели глаза на дядюшку.

В воздухе все еще звучал голос муэдзина:

Хаййа ʔалас-солаааааааах... (Приходите на намаз)

Хаййа ʔалал-фалаааааааах... (Приходите на прощение)
Код коматис солах...(Начинается молитва)

Хасан растеряно смотрел то на слабеющего старика, то на открытые ворота мечети, откуда слышались призывы на молитву. Колеблясь он нерешительно делал 2-3 шага в сторону мечети, а потом вновь устремлялся к старику. Все это время, одна из птичек постоянно кружила над его головой и в ее чириканье чувствовались настороженность и недовольство. В воздухе прозвучало «Сомкнуть ряды» и Хасан торопливо кинулся в мечеть. Тогда... тогда, эх...

Птичка, порхнула совсем низко, будто желая преградить ему дорогу: послышался какой-то странный звук, похожий на писк. Хасан сердито махнул рукой: «кыш!», задев ее кончиками пальцев. Она отлетела и рухнула, и только несколько перышек закружились в воздухе. Хасан торопливо вбежал в мечеть...

А Хусан в это время ловил машину. Наконец, взяв на руки потерявшего от боли сознание пожилого человека, уложил его на заднее сидение машины, а сам сел впереди. «Пожалуйста, брат, поезжайте быстрее». Белая машина стремительно рванула с места.

Птичка, кружившая все это время над мечетью, шумной улицей, пышно цветущей урючиной, вновь защебетала. Когда в воздухе послышалось «Оллоху акбар», она полетела и сделала круг над мечетью, затем легко порхнула в сторону уехавшей машины.

Около ворот мечети маячили женщина - попрошайка и черненький мальчуган, который, увидев на земле искалеченную птичку, хотел ее поймать, но все его старания были напрасны, потому что пострадавшая птичка обернулась, бросила взгляд в сторону, приближающейся опасности, рванулась, придя в себя, и, наконец, расправив крылья, взмыла высоко в небо. Полетав, она опустилась на ветку урючины.

* * *

После молитвы, мусульмане группами выходили из мечети. С ними вышел и Хасан, направляясь в сторону урючины. Он сомневался, куда ему податься, то ли в сторону больницы, то ли в другую сторону. «Эх, Хусан, ведь было собрание!»- прошептал он с сожалением. Затем он вспомнил о предстоящей встрече с шейхом Ахмадом Жунайдом, и душа его успокоилась и наполнилась тихой радостью.

Тихо сидевшая до этого птичка, резко вспорхнула ввысь, а с трепещущей ветки урючины осыпались все цветы. Потом она закружилась над Хасаном, издавая странные звуки. Видевшие ее люди обратили внимание на ее беспокойство, но Хасан почему-то не замечал её. Наверное, ему мешал то ли шум стремительно пролетающих машин, то ли мечты и надежды, переполняющие его. Как бы то ни было, птичка еще покружила какое-то время, затем тревожно защебетала и с каким-то не свойственным для птиц порывом устремила прямо в синее небо, а через мгновение, растворившись в нем, исчезла из виду...

Когда птичка взлетела, вместе с цветами трепещущей ветки, на которой она сидела, стали осыпаться цветы всего дерева, полностью обнажив его. Голое дерево казалось безнадежно мертвым. Но оно было ещё в таком возрасте, когда могло жить и плодоносить. И если в его корнях не заведутся черви, если оно выстоит под натиском стихий, то хочется верить, что следующей весной, оно вновь зацветет... Хотелось бы верить...

Да, если дерево не устанет цвести, птичка тоже когда-нибудь обязательно вернется...

Перевод с узбекского Саодат Камиловой

ТЮЛЬПАНЫ

Передо мной скала огромная, ребристая, крутая. Все устремлены к алым дикорастущим, прекрасным тюльпанам, которые мерно покачиваются на самой верхушке скалы. Багровое небо надело пестрое платье из темных и белых облаков. Ранние сумерки. Когда смотришь снизу на эту высоченную гору, на которой раскинулась роскошная панорама из колышущихся цветов, дух захватывает от восторга. Кажется, воплощение лучшей мечты Неба – в этом нарядном покрывале из тюльпанов, над которым порхают мотыльки. А что там внизу? Люди... сколько их, карабаясь по камням, взбираются за сказочными цветами, сколько, сорвавшись, разбиваются, не добравшись до цели всего ста метров. Никто еще не преодолевал даже половины пути. Вся скала изобиловала острыми выступами, выпирающими как живот беременной женщины. Несколько человек преодолели другие кручи, но именно это место стало для них смертельным. Нет счета погибшим... Но, что удивительно, люди, отправляясь за тюльпанами и, осознавая, насколько ограничены человеческие возможности, продолжают вновь и вновь тысячи, миллионы раз испытывать судьбу. Так почему человеческий род не может отречься от своей первородной мечты? Для чего бросаются люди в этот ад? Почему питают надежду, что смогут покорить вершину?

Чтобы познать суть происходящего, я приближаюсь к тем, кто стремится к восхождению, не уступая и, отталкивая друг друга. Одного из них, который, только что, встав на огромный камень, пытался взобраться, я потянул за плечо и, заставив обернуться, забросал вопросами. Но ответа не получил - он только усмехнулся и пальцем указал на тюльпаны. Затем, вскарабкавшись на камни, он пополз как муравей и постепенно растворился в толпе,

устремленной к вершине. Взглянув вверх, я не увидел ничего, кроме огромного количества беспорядочно копошащихся людей. Отойдя от скалы, я снова глянул: ТЮЛЬПАНЫ!.. Невольно вспомнилась Каъба и, устремленные к ней со всех сторон, миллионы и миллионы страждущих. Тюльпаны подобны солнцу, путники же – мотыльки, вихрем кружащие вокруг... Едва оформившиеся мысли были тут же отброшены мною: ведь меня зовут тюльпаны ... только меня! Казалось, для них не существуют другие, только я, только меня манят к себе! Ах, как же они притягательны! Сердце переполняет восхищение и радостный трепет! Такая возможность дается не каждому, надо непременно воспользоваться ею! Ах, как я счастлив!..

Рывком я поставил ногу на тот же камень. Кто-то потянул меня за плечо. Оглянувшись, я увидел какого-то юношу. Теперь он мне задает те же вопросы, с которыми я совсем недавно обращался к человеку, уже взобравшемуся довольно высоко. Неподвижно гляжу на молодого человека, который кажется мне бедным и обездоленным, по сравнению со мной, счастливчиком, приглашенным в царство тюльпанов. На секунду мне стало жаль его. Но я ничего не сказал, лишь почему-то усмехнулся и продолжил свой путь к вершине, к тюльпанам.

Взбираться тяжело: ухабы, неровные камни, за которые можно ухватиться, а иногда - ничего. Я осторожно скольжу по гладким камням, с трудом преодолевая расстояние, оглядываюсь, и ужас охватывает меня. Но в сознании всплывают тюльпаны, их благосклонность ко мне, только ко мне... И это придает мне решимости, я готов броситься в любую преисподнюю. Внезапно, карабкавшийся в двух метрах от меня, человек, раскинув, подобно крыльям бабочки, руки и ноги, с криком рухнул вниз – в туманную и облачную даль. У меня все похолодело внутри, словно призрак смерти погладил мое сердце. «Неужели для тебя это не послужит уроком, глупец? Ты думаешь, что сможешь достигнуть цели? До вершины еще бесконечно

далеко....Беспредельно далеко!».

Кто-то, воспользовавшись моей растерянностью, поставил мне на плечи ногу и рывком вцепился в камень, лежащий чуть выше меня. От толчка моя нога соскользнула и сорвалась, я начал падать вниз. – ПРОЩАЙТЕ! – пронеслось в моем сознании, я почувствовал звук и даже вкус этого слова.... Но, слава Богу, я успел уцепиться за какой-то камень, и это спасло меня от неминуемой гибели. Позади меня разыгралась ужасающая картина: роковой камень повлек за собой целую лавину камней.... Я зажмурился, чувствуя, как погибают сотни людей. Что теперь будет? Куда делась безмятежность, царившая до этого в моей душе? Каким я предстану теперь перед тюльпанами? Память о невинно погибших людях будет постоянно беречь мое сердце!..

«Но я, же не виноват, это тот мошенник толкнул меня. В сущности, настоящий виновник – он, а не я!» - пытаюсь найти оправдание себе. «Мошенник» стоял злорадно ухмыляясь. Наши глаза встретились. Боже, я никогда в жизни ни с кем не враждовал и не соперничал, что ему надо от меня? Мой «соперник» начал бросать камни – О, всемогущий, что это? Один из камней попал мне в лицо, из глаз посыпались искры. Боль и обида захлестнули меня, и я невольно крикнул: «Эй, Господи, я заропщу, если ты его не покараешь!..»

- Почему я желаю смерти и проклиная чьего-то сына? – Непростительно! Мои прошлые грехи ничто в сравнении с теперешними. Почему так случилось? Погибли сотни невинных людей из-за камня, выскользнувшего из-под моих ног, и осталось лишь это отвратительное существо... Мысли не утешают, терзают и мучают. Почему-то мне захотелось броситься в клокочущую воду, чтобы отмыться в ней. В это время мой «соперник», уцепившись за камень, рухнул вместе с ним в туманную бездну и исчез...

Я долго стою в оцепенении. Спустя некоторое время в сознании вновь всплывают тюльпаны, их призывы и обещания.

Сердце гулко бьется. Я остро чувствую, как вся моя сущность опять тянется к жизни и радости. Я понимаю, что необходимо покориться и послушно следовать за этим зовом подобно верному псу, следующему за своим хозяином. Мои терзания, угрызения совести постепенно рассеиваются, только память временами берedit душу.

Все мои помыслы направлены к тюльпанам! Я тянусь к ним с какой-то непонятной болезненной любовью, невольно поддаваясь силе своих тайных чувств. Но где блаженство, сопутствующее исполнению желаний. Разве я не ради этого отправился в путь, страдал, жертвовал? Итак, вперед, и еще раз вперед!..

Наконец, заветная отвесная скала! Оглядываюсь: вокруг лишь единицы, ползущие как муравьи. «Судьба!»- холодно замечаю я. Отбросив мысли, сосредотачиваюсь лишь на покорении вершины. Значительно поредевшая горстка людей, которые один за другим, срываются и падают с небесных высот, подобно исчезающим звездам, тает. На мгновение я опять сомневаюсь – по силам ли человеку все это?!

Но, боже мой, перед скалой остался только я! Значит обещания тюльпанов, сбылись?! Биение сердца учащается и придает силы. Я всем своим существом словно приклеиваюсь к блестящей, скользкой поверхности скалы. Ни одному делу я не посвящал себя так самоотверженно. Постепенно превращаюсь в муравья. Обливаюсь потом. Иногда меня охватывает паника, но даже верная гибель не заставит меня свернуть с пути, память о тюльпанах не позволит мне сделать этого. Ползу подобно пауку. Лишь бы достичь вершины, тогда - я победитель! Я испытаю наслаждение, неведомое ни одному из смертных. Сдерживая дыхание, шепчу: «Боже, какое счастье! Я достиг!»...

Прекрасные сладкие грезы... Но они отвлекают, мешают. Силы иссякают. Беру себя в руки, и снова - к цели. Теперь мой разум, душа – все становится единым в стремлении ПОКОРИТЬ вершину. Боже мой, я победитель! Слава Всевышнему! От радости

я начинаю без усталости прыгать на покоренной вершине. Наконец, обессилев, ложусь, обняв камни, и засыпаю... Мне снится сон. Во сне вижу ту же вершину, переживаю те же трудности, и повторно покоряю ее. Но взойдя, с ужасом вижу, что впереди раскинулось бесчисленное множество величественных скал, о покорении которых невозможно даже и подумать. С воплем просыпаюсь. Но не смотрю вверх, боюсь, что сердце не выдержит. Наблюдаю за плывущими облаками. Скучаю по земле, по людям, по житейским повседневным заботам. Ощущаю ноющую боль в груди. Но все равно понимаю, что мне необходимо взглянуть вверх, узнать правду. Да, настало время выбора: пан или пропал! Собираю остатки сил и с закрытыми глазами поднимаю голову вверх. О, боже! Сердце бешено колотится, подступает к горлу, и я открываю глаза...

Перевод с узбекского Саодат Камилловой

ПЛАМЯ

Остается лишь гадать, что могло произойти с Оташем, если бы мальчишка, оказавшийся в этих местах, случайно не наткнулся на него. Мало того, что он холост, хотя разменял четвертый десяток, так он предпочитает одиночество и прозвище Оташ – пламя, имени данному при рождении, живет отшельником в заброшенном селении на окраине большого города, кто бы узнал, что он лежит в беспамятстве, если вокруг ни души...Словом, по Божьей милости, Оташ был доставлен в больницу. Лишь на третий день открыл глаза. Да, открыл, но где оказался и что перед этим произошло – не сразу вспомнил. Но постепенно все всплыло в памяти: как все едва различимо на рассвете, но встает солнце, и все сразу видно отчетливо и ясно...

В тот день Оташ копошился в одном из разрушенных домов. Вдруг до его слуха донесся клич мальчишки «кур-э-кур», призывавшего домашнюю скотину к порядку, Оташ невольно побрел в ту сторону. Однако, не успел увидеть ни овец, ни ягнят, ни самого паренька: у него закружилась голова, он прислонился к чинаре на берегу пересохшего ручья, закрыл глаза. После... смотрите-ка, разомкнув веки, он обнаружил себя здесь – в палате...

Оташ огляделся вокруг – кроме него в палате был еще один больной, он лежал, закрыв глаза. Спал или просто смежил веки, непонятно. Может, был в коме...

То, что называлось палатой, представляло собой помещение со стеклянными перегородками, так что по правую и левую руку от него, был целый ряд таких отсеков. Вот и медсестра неспеша прикатила из соседней палаты свою аккуратную тележку и стала проверить показания медицинских приборов, подсоединенных к Оташу: когда их взгляды встретились, она поздоровалась,

сделала укол, спросила:

– Вы уже чувствуете себя получше, да?

Оташ чувствовал, что находится в тяжелом состоянии. Потому что, видя и слыша медсестру, не смог ответить на ее вопрос: губы и язык ему не подчинялись; по выражению ее лица, по улыбке было видно, что она чуткая, отзывчивая, а он не смог выразить ей свою признательность. Когда девушка делала укол, он не почувствовал прикосновения ее рук к своему телу. Будто ощущения покинули его. Медсестра, закончив процедуру, стала удаляться, гремя тележкой, ему захотелось – хотя бы знаками позвать ее. Однако, ему не удалось даже пошевелить рукой...

Почему-то мгновенно навалилась дремота.

Он увидел сон. А во сне все та же картина... та же женщина – Солия. Будто бы Оташ изо всех сил, во весь голос кричит: «Солия!.. Солия!..» Однако, женщина не слышит. Они на близком расстоянии друг от друга, нет надобности кричать, даже если тихонько позвать: «Солия», и то должно быть слышно...

Оташ будто бы своем доме, Солия же пребывает в пространстве между городам и его домом. Сколько бы Оташ из любопытства ни всматривался, все никак не мог понять, что же там поделывает Солия. Иногда ему казалось, что она занята очень важной работой, в другой раз, он видел, что женщина, прохладаясь, слоняется из стороны в сторону. Однако, Оташ по-прежнему звал ее. Сам же не трогался с места. Ему будто бы это было запрещено. Ибо это граница – он подошел к рубежу, до которого дозволено приближаться к Солие. Ему почему-то нельзя ходить на ту сторону. Что же касается Солии... какой там сделать шаг в его сторону, Солия даже не обернулась на горестные крики и призывы Оташа. Он, собрав все силы, крикнул: «Солия!!!» горло не выдержало напряжения – разорвалось, хлынула кровь. Он лишился возможности произносить имя «Солия», поэтому почувствовал себя вконец плохо...

– Что с вами? Очнитесь... – открыв глаза, Оташ увидел возле себя взволнованную, побледневшую медсестру.

– Наверное, плохой сон видели, бредили... Сейчас, – медсестра что-то накапала в воду, одной рукой приподняла голову Оташа, другой поднесла к его губам стакан с лекарством. Затем сняла со спинки кровати полотенце и стала вытирать, мокрые от пота, лицо и лоб больного. Вот тогда Оташ почувствовал прикосновение полотенца и рук медсестры. Он попробовал прочистить горло – услышал собственный голос. Почувствовал, что по телу разливается тепло, пошевелив пальцами рук и ног, убедился, что все на месте.

– Спасибо, – осевшим, хриплым голосом поблагодарил медсестру, которая успокоилась и собралась уходить из палаты.

* * *

Прошло несколько дней, Оташ стал подниматься с кровати и понемногу ходить. И все же какая-то тревога по-прежнему не оставляла его.

«Что за напасть? Откуда свалилась на мою голову? Когда оставит меня?» Оташ не мог найти ответ на эти вопросы.

Он стоял у окна, а деревья, дрожали от холодного влажного дыхания поздней осени, он не выдержал, собрав силы, вышел на воздух. Листопад... Оташ немного прошелся по дорожке, которую подметал ветер. Почувствовав, что все внутри дрожит, Оташ повернул назад. А ему так хотелось немного передохнуть на скамейке возле здания, – не довелось, пришлось возвращаться. Медленно, шаг за шагом, преодолевая длинный коридор, он приближался к своей палате, когда поравнялся с приоткрытой дверью кабинета главврача, то страшные слова, словно свинец влились в его сознание и застыли там:

– Не очень-то радуйтесь тому, что Отабек стал ходить, подготовьте родственников, объясните им, что он долго не протянет...

Отабек так и застыл на месте. Главврач сказал своему персоналу что-то еще про него, однако, Отабек уже ничего этого

не слышал... Нет-нет, слышать-то он слышал, только смысл слов до него не доходил.

– Что вы тут стоите? – обратилась к нему другая медсестра, поддерживая за локоть, она повела Оташа в палату.

Медсестра усадила его на кровать и собралась ухаживать, Оташ схватил ее за руки и стал умолять:

– Я очень хочу выспаться. Пожалуйста, дайте снотворное.

– Ой, да вы ведь только что проснулись, – удивились медсестра.

– Это не так, я ночью не сомкнул глаз. Очень устал. Прошу вас...

Медсестра хотела высвободить руки, больной не отпускал ее, умолял.

– Вы только посмотрите на этого человека, – улыбнулась медсестра, слегка смутившись. – Я не могу сама сделать вам назначение. Пойду-ка, спрошу у врача, – еле высвободив руки, она выбежала из палаты.

– Вы вроде эту ночь, спали спокойно, Отабек? – бросил реплику его сосед - пожилой человек, лежа листавший газету.

Едва удостоив его взглядом, Отабек промолчал: да и о чем говорить в момент, когда вся жизнь идет прахом... Когда же через несколько минут в палате появилась та самая медсестра, с готовым для инъекции шприцем, у него прояснилось лицо...

...Открыв глаза, Оташ почувствовал, что прошло много времени. Об этом говорили вечерние краски, набросившие тень на окна. Ветер носился по округе и гнул деревья из стороны в сторону. И вновь до его слуха донесся шум листопада...

«Листопаду не сможешь препятствовать, эй садовник...»

Строка из песни, оставшаяся в памяти, стала повторяться в его мозгу. «Солия», – прошептал Оташ. «Солия, я очень-очень соскучился! Если позову тебя, придешь, как в былые времена? В последний раз... Солия, в последний раз».

– Почему вы все время спите, о чем-то думаете, лучше хорошенько поешьте, силы прибавятся, – медсестра, добродушно

улыбаясь, выложила на прикроватный столик чашку с кашей, несколько ломтей хлеба и кусок жареной рыбы, в белый бокал налила чай, – после обеда приходили родственники, мы не могли вас разбудить, так они обещали навестить вас вечером.

... Оташ почувствовал, что у него от неподвижности затекло тело. Он потянулся, открыл тумбочку и вытащил оттуда бумагу и карандаш. Оташ стал рисовать дерево. Там, на ветру, мерно раскачиваясь, дерево что-то напевало и, наслаждаясь, само же под эту песню танцевало. Оташ и раньше любил рисовать деревья, вообще, можно сказать, что одна половина его работ посвящена Солие, другая - деревьям. Однако, почему это произошло, он и сам не знал. Оташ прекрасно осознавал мотивы сотен картин, посвященных Солие. А какой подсознательный смысл может быть у Дерева? Не вникая в эти тонкости, он рисовал деревья такими, какими они предстали перед его взором: тонкими, ломкими по весне. Утопающими в листве, омытыми дождем, припорошенными снегом – во все времена года, самые разные пейзажи с деревьями. В его представлении, дерево помогало вытащить из подсознания все ненужные чувства и переживания. Самая прекрасная, самая пронзительная песня о быстротечности и изменчивости жизни имела самое прямое отношение к дереву. Независимо от того, одеты они в листву или оголены, для людей, наделенных духовным слухом, деревья все время – зимой и летом, ночью и днем изрекают мудрые истины, да...

Вот и все, что знал Оташ. И вот в момент, когда на бумаге во весь рост стало вырастать еще одно большое поющее дерево, Оташ столкнулся с неожиданностью – мыслью, которая до сих пор не приходила ему в голову. О том, что именно деревья, напеваемые ими удивительные песни, давали ему силы любить Солию, деревья создавали особую ауру, благодаря которой он всю жизнь носил в сердце любовь к Солие. Да, да, поверьте, оказывается, именно они... Вы спрашиваете, почему? Да, потому, что одно время Оташ был мирским человеком – его принципом было брать от жизни все: модно одеваться, ходить по ресторанам,

менять машины. Предметом его страсти были самые красивые, привлекательные женщины. Он не забыл, о том, что проводил с ними дни и ночи. Как-то раз, когда он возвращался от одной женщины в полночь, его машина вдруг сломалась посреди дороги. И он вынужден был остаться там до утра. До города было далеко. Вокруг не было видно ни жилья, ни огонька. И только оказавшийся рядышком, бессонный сад, распеваящий о чем-то своим и танцующий на ветру, привлек его внимание. В самом деле, все с этого и началось. Оташ до рассвета слушал сад, его песни, которые пронзили и ранили сердце, он безоглядно влюбился. И вот известный молодой художник, удивлявший прежде публику яркими живописными полотнами на разные темы, теперь стал рисовать только рощи, деревья, дерево! Позже... Почувствовал тягу к знаниям. И это тоже было неспроста. Потому что там, в университете, судьба свела его с Солией... Эх, сколько во всем этом тайны...

Оташ был так поглощен своей работой, что не услышал реплик соседа по палате, желавшего завязать беседу. Всегда так – когда находит вдохновение, где-то в области сердца возникает восторженное опьянение, и он становится пленником этого состояния. Словно горячая волна крови (по крайней мере ему так кажется), циркулируя внутри него, способствует подъему духа и он работая легко, вдохновенно, заканчивает свое произведение. Сейчас происходило то же самое. Стремительно прорисованные линии, мазки красок, легшие один к одному, успели создать на бумаге портрет удивительного дерева. В нем отразился золотистый отблеск осени. Было в нем что-то чарующее душу. Летящие и опавшие золотые листья навевали на человека грусть, но не погружали его в печаль. Наоборот, то, что ветви дерева слегка изогнулись в одну сторону, и его крона трепетала, словно стяг на ветру, для зрителя звучало как песня, напеваемая деревом...

Оташ еще долго работал над картиной – шлифовал каждую деталь. Вдруг рядом оказалась медсестра:

– Зову вас, а вы будто и не слышите, Отабек-ака? – сказала она и отобрала у него картину, а заодно прихватила и краски. – К вам пришли родственники.

Отабек повернулся к двери, увидев мать и двух младших братьев, просиял лицом:

– Ассалому алайкум, мама!

– Ваалайкум салом, дорогой мой, ваалайкум салом! – голос матери дрожал, глаза – заплаканные. Обнимаясь с рослыми красивыми братьями, Оташ и в их глазах увидел печаль, и все понял: его родные обо всем уже знают!.. Заодно в поле его зрения оказалась и медсестра, которая чуть поодаль удивленно разглядывала картину.

– Почему плачете, мама? Я здоров, как конь... – из-за того, что он сам не верил тому, что говорил, фраза получилась обрывистая. – Скоро меня выпишут...

– Дай Бог, сынок, дай Бог... – мать смахнула слезы концом рукава. – Пусть все будет так, как ты говоришь!..

Оташ глянул на братьев: их лица выражали растерянность, они прятали от него глаза. Один отвернулся к окну (только там была кромешная тьма – поскольку настал вечер), другой, сидя в кресле, тянул время, как человек, изучающий подошву своих башмаков.

– Из-за какой-то девушки сам себя погубил, а? – Мать, будто говоря самой себе, высказала вслух наболевшее. – Тебе уже тридцать семь, а ты после себя никого не оставил, дорогой мой...

– Мама!.. – воскликнул брат, который весь вечер пытался отгородиться окном. – Мама, разве сейчас время, чтобы говорить об этом? Брат уже взрослый! Наверное, сам знает, что ему делать...

Оташ, уставший от подобных споров, всем своим видом выражая недовольство, плотно сомкнул веки...

* * *

– Вставайте, пора завтракать, – услышал он голос той самой, заботливой медсестры. – Сейчас главврач будет делать обход, вставайте, побыстрее.

Оташ, ленясь, приоткрыл глаза.

– Ассалому алайкум, – приветствовала его девушка.

– Ваалайкум... А вы что каждый день работаете?

– Да, не-ет,.. – медсестра осторожно поставила поднос на столик и ответила на его вопрос, – Работая каждый день, человек ведь может из сил выбиться. Я вышла вместо сменщицы. У нее какое-то дело наметилось.

Хотя у него не было аппетита, Оташ все же осторожно встал с кровати и прошел в ванную, которая была тут же сбоку. Когда он, умывшись, вновь появился в палате, поджидавшая его медсестра, попросила:

– Нарисуйте, пожалуйста, и мой портрет.

... День-деньской Оташ рисовал портрет девушки...

Сдав дежурство, собираясь домой, медсестра заглянула к нему, Оташ сидел, погруженный в работу. Девушка какой-то время разглядывал портрет, потом, будто спрашивая «что это?» в недоумении взглянула на художника.

– Отабек-ака, вам не кажется, что девушка на портрете больше похожа на ту женщину, которая прячется в гуще дерева на вчерашней вашей картине? – все же решила она задать вопрос.

– Я не понял, какая женщина, из-за какого дерева выглядывает? – развел руками Оташ.

– Вы только одно лицо рисуете, что ли? – неожиданно сказала медсестра, теперь уже обиженная всерьез. – Ладно, отдайте его той женщине...

Оташ взял в руки портрет, который девушка прислонила к спинке стула, и внимательно пригляделся. Удивительно, изображенная там девушка, и в самом деле была очень похожа на Солию. Потом Оташ торопливо глянул на свою вчерашнюю работу. Нет, там было только дерево. «Какая женщина?» –

спросил он, нервничая. Затем, взяв обе картины, поставил их напротив себя, прислонив к оконной раме.

Вечером, когда те, кто отработал смену - ушли, а кто заступил – остались, наступила полнейшая тишина, Оташ сидел в одиночестве, смотрел на картины и размышлял. Вдруг он в волнении поднялся с места. Торопливо подошел к окну, взял в руки картину, где было нарисовано дерево, и стал вглядываться в нее широко раскрытыми глазами: О, Боже! Там и в самом деле была Солия. Только... только на заднем плане – она грустно выглядывала из самой гущи дерева. У Оташа дрожали губы, он тянул трясущиеся руки к картине, однако, из-за необъяснимого страха, не смел прикоснуться к ней, на глаза набегали слезы. Вмиг дерево отделилось от картины и приняло человеческий облик – теперь возле влюбленного стояла его возлюбленная. «Когда же я останусь с тобой наедине!» – прошептали его губы. В те времена – когда они были влюбленными, забыв обо всем на свете, Оташ часто-часто повторял эту строку Солие. Оказывается, им это счастье не было суждено - они никогда не остались наедине. Линии их судеб не сошлись, и лишили их возможности встречи. И вот, наконец, желание влюбленного исполнилось. Слезы капля за каплей падали на картину, краски на ней постепенно смешивались одна с другой, но влюбленный всецело поглощенный переживанием, не обращал на это внимания... Плача, трепеща, Оташ на какое-то время погрузился сам в себя. После же... после в его памяти всплыл тот злосчастный день, когда они с Солей поругались. Всплыл, и пробудилась обида, дремавшая в его душе: «Если бы ты не возгордилась, все могло бы быть иначе, Солия!»

Едва Оташ обратился к картине, как вдруг женщина бывшая там – Солия - мгновенно исчезла. Оташ запаниковал: волнуясь, стал разглядывать нарисованную им самим картину, то с одной, то с другой стороны. Солия, которая только что стояла здесь – слушала его, вступала в диалог, вдруг куда-то «улетела», Оташ, не сумев постичь этой тайны, был в замешательстве. Затем он вновь

прислонил картину к оконной раме, сам же вернулся на прежнее место, откуда первый раз увидел в картине Солию – он уселся на кровати, только это пользы не принесло. На картине осталось только оно, большое дерево, развевающее свои желтые волосы на ветру... Доведа себя до белого каления, он прилег. Усталость взяла верх и он уснул. И вновь сон... И будто бы стольких лет, прожитых в разлуке, как не бывало: они будто бы вновь вместе. И лицом, и фигурой, и выходками – они все те же. Вначале они ехали на электричке, а потом ушли в горы. Они охапками собрали тюльпаны, маки, фиалки, и осыпали друг друга цветами с головы до ног. Поднимаясь все выше и выше, они подошли к самой высокой горе. На ее склонах росли редкостные цветы, их невозможно было отнести ни к тюльпанам, ни к макам. Чем-то они напоминали и фиалки, только это были совсем другие цветы. Солия стала настаивать, чтобы они поднялись на вершину. «Ты оставайся здесь, я сам их для тебя нарву». Оташ стал карабкаться вверх. Поднялся. И когда уже потянулся, чтобы сорвать тот самый чудесный цветок, у него будто земля ушла из-под ног, он сорвался и упал на скалу, расположенную несколькими метрами ниже. Он сильно ударился и сломал левую руку, которая безжизненно повисла. «Ты заупрямилась из-за одного цветка, когда вокруг столько цветов, смотри, к чему эту привело, Солия!» Мысленно выговаривал ей Оташ, мучась от сильной боли. Когда же спустился вниз, Солии и след простыл. «Солия, ты где, куда пропала?» – кричал он. От сильного напряжения, горло вновь разорвалось и хлынула кровь. Там внизу, где он только что оставил Солию, были люди, казалось, что девушка скрылась в их толпе. «Солия!..» Но его никто не слышал. «Вы, может, видели здесь девушку? Она красивая, стройная, черноволосая, с томными глазами...» Люди не воспринимали его. Будто они есть, а Оташа нет. Или, наоборот, Оташ есть, а их нет. Или то, или другое, словно мираж...

«Солия!!!» Оташ проснулся от собственного крика. Широко раскрытыми глазами стал озираться по сторонам – он был один в

палате. Когда успели выписать соседа – неведомо. И лишь откуда-то издалека донесся полусонный возглас: «Тихо!» Потом послышался приглушенный шорох шагов – должно быть медсестра...

Оташ уже не мог уснуть. Он сел, прислонясь к спинке кровати. Невольно засмотрелся на картину, прислоненную к оконной раме. В переливах лунного света дерево будто бы пришло в движение, склоняясь то в одну, то в другую сторону, оно вновь превратилось в его возлюбленную. «Солия», – прошептали его губы. «Солия, ты опять, пришла!.. Солия, если бы ты знала, как я истосковался по тебе, очень сильно!.. Без тебя весь мир для меня чужбина, ты понимаешь? Такое ощущение, будто меня выдворили за три девять земель. С того самого дня, как мы разлучились, я живу изгнанником. Солия, ты единственный приют, куда я мог бы вернуться, ты моя дорогая Родина!.. Однако, где ты сейчас сама? Врачи говорят, что дни мои сочтены, ты придешь, если я тебя позову? Солия, это мое последнее желание, прошу тебя: прийди! Да минует меня участь: влача жалкое существование, умереть в чужих краях. Я хочу, вернуться к тебе – моя милая Родина, с одним желанием - умереть в твоих объятиях, Солия!..»

– Больной Набиев, почему вы разговариваете с самим собой, ну-ка ложитесь под одеяло, и не мешайте другим спокойно спать,- пожилая медсестра подошла к нему и, как маленького мальчишку, уложила Оташа в постель, а сама ушла. Оташ оскорбился до глубины души; он возненавидел медсестру за то, что она прервала беседу, скрасившую его жизнь. Когда же Оташ поднялся и взглянул в сторону окна, то Солии на картине не было. Неожиданно для себя он постиг одну тайну: в те мгновения, когда его сердце переполняла любовь, он видел на картине Солию, в другое же время он видел там только дерево, удивительно!

«Солия, я только теперь понял, почему мы потеряли друг друга. В тот злополучный день, когда мы расстались, наши глаза

видели дерево, и только дерево. Оказывается, мы не смогли разглядеть друг друга...»

Что было потом – Оташ не помнил. Только, когда пришел в себя, то увидел, что люди в белых халатах в волнении носились по палате, суетились.

– Мы теряем его!..

– Он уже не жилец, если не сегодня, то завтра или послезавтра все равно уйдет...

– Быстрее сделайте массаж сердца, массаж...

Обрывки фраз, доносившиеся до его слуха, потеряли смысл. Они были лишь пустым звуком, а их смысл куда-то канул. Странно, слова, фразы, как бы страшно не звучали, если их смысл не доходит до сознания человека, то они уже ничто, ничто!..

Оташ остался в неведении, что было потом и сколько продолжалось его забытье. Когда он открыл глаза после долгого, невероятно долгого сна, он чувствовал себя так, будто ничего не произошло. Только во всем теле была слабость – лень было шевельнуться. Зато он мог нормально говорить. Значит, не умер. Вот и медсестра, которая в прошлый раз обиделась на него, вовремя подросла. Сейчас что-нибудь скажет...

Однако, медсестра не проронила ни звука. Одарила Оташа грустным взглядом и исчезла в соседней палате. Почему? Может, то, что ее портрет был похож на другую девушку, обидел, бедняжку, до глубины души!..

Через некоторое время в палату вошли отец и мать. Они смотрели на Оташа также проникновенно, как медсестра, были обходительны, словно говорили с ним в последний раз. Он занервничал, вышел из себя. Когда, наконец, в палату вошел младший брат, Оташ схватил его за руку:

– Послушай меня!.. Скажи честно, сколько мне осталось?..

Брат терзался. Однако, зная, что если не скажет правду, то Оташ испепелит его взглядом, тяжело вздохнув, сказал:

– Два-три дня...

* * *

- Салом, Солия!..
- Ассалом алайкум, Отабек-ака!
- Как поживаешь?
- Хорошо, надеюсь, у вас тоже все в порядке? Совсем пропали. Даже не звоните... – Солия сделала вид, что обижается и сердится.
- Не хотел лишний раз беспокоить...
- Ах, оставьте это...
- Солия!..
- Гм...
- Я должен тебя увидеть...
- ...
- В последний раз, ты слышишь меня?..
- Что произошло? Не надо так пугать людей, Отабек-ака.
- Извини... Прости меня... Похоже, я и в самом деле, сказал глупость... Придешь?
- Где вы сейчас?
- На той же улице, в кардиоцентре. Ты, наверное, помнишь?.. Последний этаж, если идти от лифта в правую сторону, самая крайняя палата. У нее белая дверь...
- Ой, что с вами случилось? – всерьез встревожилась женщина.
- Сегодня придешь?
- Сегодня?..
- Да,.. пожалуйста, если не придешь, то будет поздно, Солия! – трепет сердца передался голосу Оташа. Умоляю, прошу, приходи...
- Ладно, постараюсь...

* * *

Картина будто распахнула объятия – изображенное там дерево обратилось в возлюбленную художника. Оташ весь день

не отрывал от нее истомившихся в ожидании глаз.

– Вот, Солия, и все... смысл моей жизни, оказывается, заключался в этом: родился, влюбился и ... Хорошо, что есть ты... Благодарю судьбу, что устроила мне встречу с тобой... Ведь... ведь если бы не было тебя, что бы я здесь – на белом свете – делал? «Родился и умер», – сказал бы я?..

Вот, ты опять придешь!.. Сколько лет прошло с тех пор, как мы не виделись. Последний раз ты пришла на мою выставку. Увидев, что изображена на всех моих картинах, ты тихонько сказала: «Вы с ума сошли. Разве может художник посвятить все картины одному человеку!..» – и от смущения убежала. Потом известила меня: «Простите, не могла выдержать всеобщего внимания... Неужели, можно так любить одну женщину?!»

На следующее утро я получил еще одно послание: «Пожалуйста, женитесь».

Эх, Солия, на кого бы я не взглянул, вижу только тебя, как же я могу жениться на другой, если одной тобой заполнено не только мое сердце, но и глаза? Ведь, если на то пошло, в день нашей встречи, я и женился на тебе!.. И с тех пор не расстаюсь ни на мгновение: ты со мной и во сне и наяву...

Ему вдруг вспомнилось происшествие студенческой поры. Был урок физкультуры. Оташ вошел в спортзал, увидев Солию, задумчиво сидевшую на скамейке, подошел к ней. «Мне что-то не- здоровится». «Тогда я посижу возле тебя». «А урок ?» «Ты такая странная, как я пойду на физкультуру, если есть возможность провести с тобой целый час?..»

Но этому помешали неизвестно откуда взявшиеся четверо модно одетых парней. Они окружили Солию и стали заговаривать ей зубы. Как выяснилось позже, оказывается, парни приехали в университет, чтобы присмотреть себе невест. Но повели себя также, как раньше, когда охотились на уличных красоток. Естественно, Оташ вмешался, и завязалась драка. Их было четверо, Оташ – один. Они кинулись на него гурьбой, но он не спустил им ни одного удара, ни одного пинка: дрался как лев.

«Вы не испугались, ведь их было много?» – спросила Солия, когда в медцентре обрабатывали и перевязывали его раны. «Не знаю, сам себе удивляюсь», – ответил Оташ. Позже, размышляя об этом, он пришел к выводу: чтобы противостоять нескольким парням, таким же сильным, как и он сам, кроме отважного сердца, человеку еще что-то необходимо. По мнению Оташа, необходима любовь! Если бы рядом не было Солии, а в сердце любви, вполне возможно, что Оташ не стал бы драться ни с кем из тех парней даже один-на-один. Да-да, поверьте. Он и сам был в этом убежден. Несмотря на то, что в его жизни много раз возникали скандальные ситуации, подобные этой, он ведь не всегда вступал в драку! Самое главное, он не чувствовал в себе потребности, утвердиться в чьем-то мнении «героем». Ведь сколько их было, тех мгновений, когда жизнь была для него всего дороже... Значит, человек, объятый страстью, бесстрашен, он не остановится даже перед смертью...

– Так вы... ради меня готовы на все? – спросила Солия, погладив, перевязанный локоть своего защитника.

– На все, на все готов, Солия! – его взгляд опалил ее страстью.

– И даже на смерть, – спросила она, глядя парню в глаза.

– И на смерть... – поклялся он.

– А жить без меня? – лукаво улыбнулась девушка.

– Только не это, Солия! Нет... Я не могу жить без тебя.

– А кто только что говорил: «Ради тебя я готов на все?» – возлюбленная легонько шлепнула влюбленного по щеке. – Разве человек не должен выполнять обещания?

Оташ, улыбаясь, приглядывался к девушке: «шутит или говорит всерьез». Потом «наказал» ее, схватив за нос.

– Если хочешь, ладно... я и на это согласен. Только вот не обещаю, что смогу выполнить уговор.

Оташ потянул девушку к себе, прижал к груди:

– Для меня не существует самого понятия «без тебя», ты всегда рядом со мною!..

– Да... Всегда...– в глазах девушки появились слезы.

* * *

Усилившийся ветер с шумом срывал с деревьев листву. Зарядивший с утра нудный дождь, вдруг набрал силу, забарабанил в окна. Он прервал приятные воспоминания Оташа. Потемневшее окно, говорило том, что наступил вечер. Взглянув на настенные часы, Оташ воскликнул: о-го !!!

– Что же случилось с Солией? Неужели не придет? Наверное, забыла... Может, много работы... Нет-нет, так не должно быть. - Ведь он, как мог, втолковал : «Не откажи в просьбе, приходи». Говорил с ней задушевно, как в былые времена.

Может, на входе остановили. Сказали , что я в тяжелом состоянии и сразу с порога развернули ее назад... А телефон для чего... Ну сказала бы словечко... Может, самому позвонить?.. Да, нет, уже поздно. Ведь у нее семья, дети.

У Оташа потемнело в глазах.

* * *

Наступил следующий день, и время приблизилось к полудню, однако, ни звука. У Оташа лопнуло терпение. Глаза, прикованные к двери, покраснели от слез. Его плечи затекли и отяжелели от неподвижности. Теперь уже и сердцу было тяжело вести беседу с картиной. Потому что там уже не было Солии. Только дерево шелестело золотистой листвой. Если бы вы подняли взгляд повыше, могли бы увидеть дерево, вдохновившее художника. Однако, у него был жалкий вид: простирая к небу свои оголенные ветви, дерево будто взывало : « О, Создатель, что ты со мной сделал?», оно напоминало человека, раздирающего грудь и выкрикивающего свои обиды...

Оташ с трудом сдвинулся с места – посмотрел на телефон, лежащий на тумбочке – может, есть весточка? С минуту пребывал

в задумчивости. Затем набрал номер. Набрал и выключил. Походил по палате из угла в угол. Посмотрел за окно – на дерево: похоже, оно очень устало за период с весны по осень : его ветви слабо дрожали от холодного влажного дыхания поздней осени, дождевые потоки лились с них, словно слезы, лились, лились, и лились...

Неожиданно Оташ почувствовал пронзительную дрожь, охватившую все его существо. Он впервые почувствовал себя одиноким – осознал, что рядом нет Солии. Вы слышите, впервые... Никогда такого не было, никогда!.. Подобно несчастному, оказавшемуся в бешеном водовороте, и хватающемуся за соломинку – он невольно схватился за телефон. Вновь набрал тот самый номер. Телефон долго взывал к ней. После... после раздался голос Солии, той самой Солии, тот самый голос. Только... только к этому голосу примешался сон.

– Алло... Кто это?

– Солия!.. Это я!.. – сказал он, волнуясь. – Вчера...

– Подождите... Минут через десять я сама вам перезвоню.

Оташ впал в странное состояние. Держа обеими руками телефон, он стал ждать. То сидя, то стоя. Прошло пять минут, потом пять превратились в десять. Однако телефон был нем. Потом прошло еще пять, пять, и пять... Оташ сбился со счета. О том, что время может тянуться так долго, что оно бесконечно, ему дано было узнать только теперь, в этом возрасте. «А когда ждешь, то оно тянется еще дольше», сказал он сам себе.

Медсестра, разносившая обед, сказала, чтобы он меньше двигался, и после еды обязательно принял лекарства. Оташ весьма насмешливо воспринял ее заботливость. Вновь уставился на аппарат, который был на ладони.

А время между тем шло, вновь появившаяся в палате медсестра, взглянула на еду, к которой даже не притронулись, с жалостью посмотрела на Оташа, который как безумный уставился на телефон. Скрепя сердце, она ничего ему не сказала. Покачивая головой, погрузила тарелки на тележку и укатила ее

из палаты.

Наконец, как говорится, «камни обрели дар речи», телефон зазвонил:

– А-а, Отабек-ака, простите, вчера не смогла приехать. Вечером должны были пойти на день рождения деверя. Я с утра взялась за окраску волос. Вы видите, что делается, этому дождю не видно ни конца, ни краю. Не могла выйти из дома... Вечером, все же сходили в ресторан...Если сегодня дождь прекратится, то мы подъедем к вам на машине моей подруги Арофат. Когда выедем, позвоним, вы скажите ей точный адрес. Я, видимо, уже забыла ту улицу...

Солия еще что-то сказала, только Оташ уже этого не услышал, а если и услышал, то перестал воспринимать смысл сказанного. Белый свет померк в его глазах. В полной растерянности он побрел в коридор, спустился в низ и вышел из корпуса.

– Больной Набиев вам нельзя много двигаться, вернитесь, и ложитесь в постель.

– Хорошо, хорошо... сейчас вернусь, – не глядя, ответил он тому, кто его распекал.

Не прошло и нескольких минут, как он оказался у дороги. Остановил такси и помчался прочь из города – в те места, где он провел незабываемую ночь в роще, когда посреди дороги сломалась его машина, там, в заброшенном всеми селении, он устроил себе жилище. Велев таксисту подождать, он что-то вынес из дома, какую-то вещь, завернутую в платок. Видимо, таким образом, отдав взамен денег что-то ценное, Оташ рассчитался с таксистом. Только после этого, водитель, проехав по подножью холмов, оставив позади себя какой-то неприглядный дом, разместившийся в глубине развалин, вернулся назад – на шоссе.

Первым делом Оташ отправился в кладовку. Он споткнулся о ее высокий порог, его будто подкинули вверх, а затем бросили оземь. Но какая-то сила подняла его на ноги. Открыв дверь, при тусклом свете, наощупь он отыскал то, что ему было нужно, направился в мастерскую... Он нес тяжелую емкость, его аж

перекашивало при ходьбе.

Мастерская была просторная, светлая, так украшена сотнями картин, что вошедший человек забывал обо всем на свете. Там висели картины, где во всем многообразии жизни были представлены деревья и портреты той самой женщины. Много картин было расставлено по всей комнате. Однако внутренний мир Оташа – картины, порожденные его пламенной натурой и существующие лишь в его воображении в сотни, тысячи, миллион раз были важнее, таинственнее, страшнее всего того, что было представлено в мастерской... Оташ стал обливать стены, развешенные картины, той жидкостью, что была в канистре. Резкий запах бензина распространился по комнате. Оташ подошел к столу в углу комнаты, вытащил из ящика зажигалку, тяжело дыша, на мгновение замер...

Вначале ему вспомнились собственные слова: «Если сегодня не придешь, будет поздно, Солия! Умоляю, приди!...»

Потом его душу вновь пронзили слова Солии: «Я с утра решила покрасить волосы. Вы видите, что делается, весь день лил дождь... не могла выйти из дома...»

В сильнейшем душевном волнении Оташ метнул горящую зажигалку в реликвию – картину, удивительную по красоте, обрамленную в дорогую раму, висевшую в самом центре мастерской – в красавицу, которая улыбаясь смотрела на него... Взметнувшееся было пламя, выровнялось, и стало пожирать картину. Вначале огнем был объята стройная фигура, волнистые волосы, светлое, словно луной озаренное, лицо женщины. Казалось, что только... только глаза уцелели. Именно им – этим глазам – Оташ хотел что-то сказать, может быть, спросить что-то у них, попросить прощения. Приготовился, но язык не повернулся: ибо... ибо из-за высокой температуры выражение глаз стало меняться, а запечатленный в них смысл проявляться – глаза, когда-то смотревшие на Оташа с безграничной любовью, глаза этой женщины сверкнули с леденящей кровью суровостью и обдали его холодом. Именно в этот миг огонь превзошел их

силой: они стали его добычей...

Ужасное зрелище лишь на миг отразилось в зрачках Оташа, в следующее мгновение языки пламени охватившие пол, напомнили ему простертые к небу руки нищего...

... А в это время дождь стих. Возможно, в этом тоже проявилась Божья милость. Посчитавшего излишним, заливать водой, объятый пламенем, горящий дом, прекращать пожар, тем самым все продлевать и продлевать страдания молодого мужчины, сгорающего в огне любви, на окраине города – в глухомани, откуда сколько не кричи – никого не дозовешься... Где уж нам несовершенным созданиям, постичь высшую мудрость?..

Откуда нам знать, может, Солия, подумав «дождь перестал», уложила свои прекрасные волосы в замысловатую прическу, вышла из дома, тотчас отправилась в кардиоцентр, поднялась на верхний этаж, выйдя из лифта, двигалась в правую сторону, и постучала в ту самую, белую дверь...

Откуда нам знать...

переводила Зульфира Хасанова